

**ГАЛИНА
ЩЕРБАКОВА**

ЁКЭЛЭМЭНЭ

Галина Николаевна Щербакова
ЁКЭЛЭМЭНЭ

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130350
Трое в доме, не считая собаки: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35734-5

Галина Щербакова

ЁКЭЛЭМЭНЭ

...Она просто умирает от любви. Так и говорит себе: «Ой, я умираю». Из всех ощущений, которые накопились у нее за жизнь, это ни на что не похоже. Оно как бы и не от жизни. Значит, от смерти? Потому и «ой, я умираю»? В ней все комом. И ком ее распирает, но совсем не так – распирает и больно. Конечно, и больно тоже. Есть это ощущение. Но не оно главное. Главное... Ну, конечно, главное – ой, я умираю... Но одновременно и счастье... Одновременно и счастье... Да! Именно. Она нюхает халат, к которому притулилась. Прихватывает его губами, ртом... Махра есть махра. Отодвинулась от нее даже, потому что сбила ее с толку дура матерчатая. Хотя все ее *вещи* она давно перецеловала. Украдкой, тайком, это, конечно, не удовольствие, какое удовольствие прикасаться губами к хозяйственной сумке. Это куда больше. Вот это *больше* она всегда ощущает. *Это больше*. Она ударила себя туда, где обретаются все наши ощущения, чувства, она звезданула эту дерзость – думать о ее махре просто как о махре, которая существует как бы сама собой. Как ты смела, дрянь? Хорошо, что явилась умная мысль: когда она рядом, живая, теплая и прекрасная, ее вещи «меркнут и гаснут», куда им в сравнение... Господи, конечно же! Вон она какая! Через тонкий полиэтилен банной занавес-

ки. Розовая, белая, горячая. Как снуют ее руки, сверху вниз, сверху вниз, как бьется об нее красавица струя, как отлетают неудачницы капли, которые мимо, и плачут, плачут, стекая по занавеске. То-то, собаки! Не только мне умирать тут от любви и жевать махру.

– Ну-ка, потри мне спину!

Отдернулся полог. Какая же она! Мамочки мои! Повернулась спиной, сунула в руки намыленную мочалку.

Затряслись руки. Боже, помоги! Вот так, вот так.

– Да ты что? – закричала она. – Как мертвая! (Мертвая, мертвая, все верно, я и есть мертвая.) Ну-ка, сильней! Еще! Еще!! Еще!!! Во! Дошло наконец!

Дошло. Она даже вспотела. Споласкивала руки и смотрела на капли пота на лбу и под носом. Шмыгнула изо всей силы.

– Не шмыгай носом! Сколько раз тебе говорила. Имей платок!

– Имею, – ответила почти без голоса. Достала и продемонстрировала умение пользоваться платком. А она растиралась полотенцем, и от нее шел пар, и надо было надышаться этим паром, потому что он важнее кислорода, озона, какие там еще составные?

– Из чего состоит пар? – спросила.

– Ну, в твоём возрасте такое надо знать. По-моему, с этого начинается химия...

– Значит, я не была на этом уроке, – в ней зашевелилось

– снулое? спунное? – заспатоое, балда, – хамство. – На все ходить – очумеешь.

– Скажите, пожалуйста, киндервуд! – перекинула длиннющие ноги через борт, «наизусть» нашла и сунула ноги в тапочки. Напялила махру. И был-был! – момент, когда горячая голая рука мазнула ее по лицу, и невозможно было удержаться – лизнула.

– Эх! – закричала она. – Ты эти лесбийские штучки брось.

– Какие штучки?

Уже за столом, громко глотая горячий кофе, она объяснила, что это такое.

– Вот так-то, Полина!

– Да знаю я! Я слово не могу запомнить. А людей таких терпеть ненавижу. Я бы их убивала. И мужиков, и баб. У нас в стране, Ольга Сергеевна, очень много гуманизма.

– Что да, то да, – ответила Ольга Сергеевна, с хрустом раскусывая сушку. – У нас этой доброты дурной... А замечено: чем в обществе больше дурной доброты, тем больше слепого зла.

...Полина испытала восторг. Никто из учителей так классно не говорит. Но Ольга! Как печатает. Ни с кем не сравнить. Ходит по классу эта халда-литераторша. Гунявит: «В человеке все должно быть прекрасно...» Посмотрите на нее, люди добрые! Юбка с задницы съехала налево, а она ее смык, смык вверх. Добивается успеха – вылезает из-под юбки комбине. Еще то комбине! Оборванное кружево тут же цепляет-

ся за пряжку на сапоге. Сапоги – это вообще полный обвал. Каблуки так изогнулись назад, что это уже нечто. Молния застегнута до середины, а из середины торчит мужской носок хэбэ. И эта крокодила, на которую в одетом виде стыдней смотреть, чем на голую, пишет: «И лицо, и тело, и душа, и мысли». Полина однажды встала на уроке и спросила: «Можно выйти сблевать?» Все грохнули, а до этой не дошло. Стала приставать, что Полина ела. «О господи! – сказала Полина. – Да я беременная!» Тут уж все легли, потому что только накануне девчонок пропускали через гинеколога. И Полина попала в тот список, который вела завуч: «Девочки». А медсестре достался более важный, секретный. На букву «Ж». Как раз при Полине было. Завуч – медсестре: «Закамуфлируйте как-нибудь иначе. Нечего такое обнаруживать». – «Ну, как? – спросила медсестра. – Девочки и женщины. Грамотно?» – «Напишите – НД. А я поставлю одно Д». Так вот, Полина была Д.

– Целка, – сказала она, выходя из кабинета.

– Ну, ты даешь! – засмеялись девчонки.

– Наоборот! – сказала Полина.

А тут: я беременная. Литераторшу закачало на кривых каблуках. Схватила руку за стул, аж до синих пальцев. Полина гордо хлопнула дверью и пошла искать по школе, где звенит голос ее богини, ее красавицы, Ольги Сергеевны. Нашла и легла под дверью. Ей все время хочется сделать во имя Ольги что-то унижительное для себя. Лечь вот так под дверь,

лизнуть сапог, дать себя пнуть. И не дура Полина, чтоб не понимать – вот как я перед ней стелюсь. Но шутка в том, что ей это даже интересно – вон она какая, оказывается, ручная, прям тащится от этой бабы... Бывает же такое... «Была б я себе матерью, – думает Полина, – я б начистила свою собственную морду. Гордость же теряю! Плавлюсь, и не при какой-нибудь тыще градусов, при тыще плавятся все, а, можно сказать, при полном нуле». Полина лежит под дверью и самоистязается, можно сказать, с удовольствием. Ну, какая же человек дрянь! Ну, какая же он мразь! Но с такой собой ей интересно, а до Ольги временами хотелось удавиться. Что останавливало? А язык наружу! И говорят – мочишься. Ну? Лучше куковать на этом дерьмовом свете, чем такой вид.

Свистело Полине в бок будь здоров, потому что такого, чтоб не открыть форточку на уроке, у Ольги не было. Хоть изойдись чихом и соплями – не закроет.

– Сквозняки придумали трусы. Самые последние из них. Которые не только всего боятся, но даже воздуха. Его движения. Настоящий же человек испытывает наслаждение от его потоков, идущих сквозь и вокруг него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.